

Княгиня де Ваифиорита с радостью побежала бы за дочерью, удержала бы ее, вернула, но князь оставался непреклонен.

— Лилиана обесчестила наше имя и поэтому больше не принадлежит к нашей семье, — гневно заявил он, преграждая жене путь. — Горе тебе, если ты еще раз посмеешь с ней общаться!

— Цезарь, — вскричала княгиня, — Лилиана еще совсем дитя!

— Дитя после всего, что она сделала?! Она уже слишком хорошо понимает жизнь! Пусть теперь сама все и расхлебывает. Я не хочу больше ничего об этом слышать! Для меня она умерла.

— Цезарь, я прошу тебя на коленях... она моя дочь...

— Нет! Ты давно меня знаешь, чтобы понимать, что я никогда не отступлюсь! Когда я думаю о том, чего мы лишились, когда я думаю, что нам придется продать замок, чтобы исполнить наши обязательства, я убеждаюсь, что поступил слишком снисходительно с Лилианой!

Княгиня, всегда добродушная и кроткая, казалось, готова была подчиниться жестокой воле мужа, но вдруг в ней вспыхнуло негодование:

— Нет, Цезарь! Я не оставлю мою дочь одну! Ты не сможешь заставить меня не помогать ей! — воскликнула она, бросаясь к двери.

Князь, угрожающе нахмутив брови, преградил ей путь.

— Стой, Эмма, если не хочешь навлечь на себя мой гнев!

— Дай мне пройти!

— Никогда!

Княгиня сделала движение, оттолкнув мужа, чтобы пройти к двери, но за последние несколько часов она чересчур много испытала волнений: комната закружилась вокруг нее, перед глазами поплыло черное облако, и когда она со слабым стоном опустилась на пол, ее окутал туман — она потеряла сознание.

Когда Эмма де Вайфиорита пришла в себя, она обнаружила, что лежит на диване. Ее муж, стоял у окна и смотрел в темноту парка. Часы пробили два удара.

Прошло уже несколько часов с тех пор, как Лилиана покинула замок.

Принцесса закрыла лицо руками; горячие слезы бежали по ее пальцам.

В этот момент раздался стук в дверь.

— Войдите! — сухо сказал князь, не оборачиваясь.

В комнату вошел дворецкий. Он выглядел очень расстроенным, и впервые за много лет его ливрея не была в безупречном порядке.

— Господин князь, — запинаясь, поклонился он, — простите, что беспокою вас в такой час, но... боюсь, с принцессой Лилианой случилось что-то ужасное...

Цезарь ди Вайфиорита не моргнул глазом.

Но княгиня, напротив, внезапно встала, сильно побледнев.

— В чем дело, Октавио? Говори!

— Один из конюхов прибежал сообщить мне, — объяснил дворецкий, колеблясь, — пару часов назад он видел, как принцесса уходила в сторону болота... Сначала он не придавал этому значения, но потом вспомнил, что земля там очень скользкая и можно легко поскользнуться, и упасть в воду... Тогда он взял фонарь и пустился по следам принцессы... но не нашел ее. Он не нашел ничего, кроме этого, госпожа княгиня... Он находился прямо на берегу болота.

Дворецкий раскрыл дрожащую руку и показал изящный золотой кулон, который Лилиана из Вайфиориты всегда носила на запястье.

Княгиня взглянула на украшение и издала душераздирающий вопль:

— Цезарь, наша дочь!.. Возможно, она совершила безумие!

Князь, выглядевший весьма потрясенным, провел рукой по лбу.

— Не волнуйся раньше времени, — сухо сказал он жене. — А ты, Октавий, распорядись приготовить фонари, разбуди слуг: обыщем болото, если в самом деле правда, что моя дочь пошла именно туда.

Распоряжения были немедленно исполнены.

Через четверть часа дюжина людей рассеялась по темной местности, освещая тропинки фонарями и факелами.

Всю ночь продолжались поиски, но никаких следов княжны Вайфиориты обнаружить не удалось.

В каждом зародилось подозрение, что княжну постигло несчастье.

На следующее утро князь, потеряв всякую надежду найти свою дочь живой, приказал раскопать болото, чтобы попытаться найти хотя бы тело Лилианы; он сам руководил этой страшной работой, но безрезультатно.

Наконец, один из помощников сказал, покачивая головой:

— Дальнейшие поиски бесполезны, сеньор князь. К сожалению, болото никогда не возвращает тела утопленников...

Барон Роккабруна, узнав об исчезновении Лилианы, прибыл в замок во второй половине дня.

Князь сообщил ему о последних событиях, но умолчал о сцене, произошедшей между ним и его дочерью накануне вечером.

Узнав, что, по слухам, Лилиана умерла, утонув в болоте, барон, судя по всему, был искренне поражен. На долгую минуту его пристальный взгляд встретился с глазами Цезаря де

Вайфиорита, который выглядел гораздо меньше расстроенным, чем следовало бы.

— Вы уверены, что ваша дочь утонула? — спросил он холодным голосом.

Князь опустил голову, ничего не отвечая.

— Я понимаю ваше душевное состояние, — настойчиво продолжал Роккабруна, — но я должен задать вам еще один вопрос.

— Я слушаю.

— Как, по-вашему, это произошло? То есть, вы думаете, это был несчастный случай или... самоубийство?

— Не знаю, барон, не знаю, — с трудом выговорил князь, — Лилиана всегда отличалась повышенной чувствительностью и нервозностью... Инцидент, произошедший недавно, из-за которого пришлось отложить помолвку, сильно потряс ее, но я не смею думать, что она решилась на такой шаг, чтобы покончить с собой... Конечно, это был страшный удар для всех нас.

Барон Роккабруна, знавший холодную и расчетливую натуру князя, скорчил гримасу.

— Да, — признал он, — это был страшный удар. Я бы хотел быть ближе к вашей дочери, несмотря на разницу в возрасте между нами. Я думаю, что на некоторое время отправлюсь в путешествие. Я должен чем-то заняться, чтобы постараться все забыть, что произошло.

Пораженный подобными словами, которые демонстрировали абсолютное безразличие к его финансовым заботам, князь с несколько преувеличенным беспокойством спросил:

— Не могли бы вы остаться в замке еще на несколько дней, барон? Мне нужно было бы поговорить с вами о довольно серьезных вещах, а сейчас для этого не самое подходящее время...

— Простите, — твердо ответил Роккабруна, — но я уже принял решение: оставаться здесь, в замке, где появилась на свет та, которую я хотел взять в спутницы жизни, означало бы для меня мучение. Прошу передать мои искренние соболезнования вашей супруге княгине.

Цезарь ди Вайфиорита смотрел вслед, как барон уверенным шагом удаляется из библиотеки.

Вспомнив о том, что случилось с его дочерью, он подавил порыв гнева.

Роккабруна бросил его одного, на растерзание кредиторов, требовавших оплаты бесчисленных счетов, накопившихся за последние несколько лет. И все из-за его дочери, которая отдалась неизвестно кому...

Не в силах сдержать гнев, он поднялся в комнаты жены, которая до последнего момента с тревогой следила за поисками Лилианы.

Аристократка сидела в гостиной с вышивкой на коленях. Ее ничего не выражающий взгляд блуждал по комнате, словно искал что-то, кого-то...

Не обращая внимания на охватившую ее боль, князь Вайфиорита дал волю кипевшему в нем гневу:

— Этот идиот Роккабруна ушел! Он оставил нас с тобой один на один с кредиторами, которые теперь не дадут мне ни минуты покоя! Мы не сможем погасить закладную на замок, нам придется продать землю! Мы разорены, ты понимаешь?..

Княгиня не отвечала. Ее прекрасные аристократические черты лица казались высеченными из мрамора.

Тогда Цезарь ди Вайфиорита встал перед ней и закричал:

— Ты слышишь меня? Понимаешь ли ты, что я говорю?!

Когда же его супруга продолжала вести себя так, словно он и не входил в комнату, он положил руку ей на плечо и заставил повернуться к нему, воскликнув:

— Эмма, ради Бога, я хочу услышать ответ, когда задаю вопрос!

Только тогда он заметил, что на губах женщины словно застыла безразличная улыбка.

Он снова разразился криком, глаза его расширились от гнева, затем он наконец все понял, и у него заledenела кровь от ужаса.

Эмма де Вайфиорита сошла с ума!

<http://tl.rulate.ru/book/89413/2860196>